

Светлана лежала в высокой траве на берегу реки Ясельды среди ромашек и смотрела вверх. Через солнечные очки голубое небо было синим, а проплывающие по нему белые облака – светло-голубыми сугробами. Они медленно и плавно превращались в важных слонов, которые, казалось, мирно общались между собой. Иногда, нарушая их идиллию, как маленькие серебряные птицы, пролетали самолёты, оставляя за собой дымчатую кисею. Светлана смотрела в небо и, ощущая себя частью этой гармонии, испытывала тихую радость.

Она была дома.

После окончания учебного года и завершающей его летней сессии, чувствовалась усталость. Хотелось побыть одной наедине с природой, поэтому она не стала вчера вечером сообщать подругам о своём приезде и сегодня, как только проснулась, сразу отправилась на встречу со своими любимыми местами. Деревня была достаточно большой и располагалась вдоль реки. Из-за этого называлась – Поречье. Светлана лежала в мягкой душистой траве, наслаждаясь наступившими каникулами. Тёплое солнце ласково грело, а лёгкий ветерок, играя травой, как будто, что-то нащёптывал. Девушка закрыла глаза и стала слушать. Ей вдруг вспомнилась одна из передач «Что? Где? Когда?». Однажды туда пришло письмо с вопросом от школьницы. Её маленькая сестрёнка как-то зимой, попросила родителей поехать на дачу. Когда у неё спросили, зачем же ехать туда зимой, ребёнок с удивлением ответил: «Там всегда лето!». Знатоки тогда не смогли дать правильный ответ. А ведь это так просто. Светлана родилась здесь и маленькой росла у бабушки с дедушкой, пошла в первый класс, но вскоре мама забрала её в город, и сюда она стала приезжать только на школьные каникулы. Отец был военным, поэтому их семье часто приходилось путешествовать за папой к его новому месту службы. В восьмом классе ей даже пришлось учиться в Мурманске. В результате этих перемен появилось много друзей. Но где бы Света не находилась, Поречье для неё оставалось маленьким сокровищем на Полесье, где всегда было только лето.

Вдруг шум на реке привлек её внимание. Света приподняла голову и сквозь траву посмотрела на воду. Там плавали небольшие утята, а по берегу бегал жёлтенький утёнок с черным пятнышком на боку, которого соседка тётя Оля хворостинкой пыталась направить в воду. Тут же вспомнилась известная детская песенка про ёжика «...с дырочкой в правом боку...». Не сдержав улыбки, девушка села, продолжая наблюдать за этим поединком. Было видно, что утёнок определённо игнорировал требование тётки Оли. Он громко пищал, бегал по берегу и, путаясь в траве, пытался взлететь. Когда же, наконец, тётке Оле всё-таки удалось поймать его и забросить в речку, утёнок с диким визгом, почти кролем, пронёсся по воде, выскочил на берег и, раскинув маленькие крылышки в разные стороны, побежал под куст.

– Ну, что ты с ним будешь делать? – раздосадовано произнесла женщина. – Одно слово – сирота.

– Здравствуйте, тётя Оля, – поднимаясь на ноги, произнесла Света.

– Здравствуй, Светочка. А я и не знала, что ты приехала. Твой дед уже все глаза проглядел. На прошлой неделе, почти каждый день автобус встречал.

– Да. Он мне говорил. Я вчера вечером приехала. А Вы, что тут с утятами воюете?

– Ой, детка, в этом году просто беда. Остались мы без утки, и пришлось инкубаторских купить. А они ещё пока такие бестолковые. Особенно вот этот герой. Представляешь, воды боится.

– Да Вы что?

– Серьёзно. Не первый день ведь на речке. Все плавают, чистенькие стали, из воды не выгнать, а этого – не загнать.

– Вот умора!

– Ну, не говори. Сидит в траве и всё.

Света посмотрела на утёнка. Тот тихонько сидел под веткой куста и не шевелился, только время от времени испуганно моргал.

– Так не трогайте его. Подрастёт, глядишь, поумнеет и сам плавать начнет.

– Я тоже так думаю, но хочется ж поскорее искупать дурня такого. А ты на целое лето приехала, или попозже отправишься куда-нибудь отдыхать?

– Посмотрю потом. Пока ничего не планировала. Во время сессии не до этого было. Да и каникулы я люблю здесь проводить. К тому же дедушка за год соскучился, надо бы с ним побыть по-дольше.

– Скрипку-то с собой взяла?

– Конечно. Как же я без неё.

– Ну, поиграешь как-нибудь. Послушаем, что ты за год нового выучила.

– Это обязательно. Мне столько на лето задали, что замучаю ещё всех своей игрой. Ну, ладно, тётя Оля. Воюйте тут. Пойду я. А то солнце начинает припекать, да и Катька обидится, что я приехала и до сих пор ещё не объявилась. А ты, – обратилась Света к утёнку, – давай умней быстрее, а то так и останешься грязнулей.

Утёнок глянул на девушку, моргнул очередной раз и глубже забился в траву.

II

Сергей сидел в автобусе и смотрел в окно. Вот уже скоро год, как он после окончания Гродненского медицинского университета работал по распределению врачом в Поречской больнице, куда приехал целенаправленно сам. На Пинщине он родился. В большой семье был самым младшим и поздним ребёнком. Пока он рос, его два старших брата и сестра окончили школу, стали студентами, а создав свои семьи, разъехались по разным городам. Когда же Сергей поступил в медуниверситет и уехал учиться, мама осталась совершенно одна. Он уже давно решил для себя, что потом обязательно заберёт её к себе в свою семью, а пока, чтобы чаще у неё бывать, распределился ближе к дому. На эти выходные он ездил к ней. После очень снежной зимы в этом году и дружной весны, наконец, установилась сухая погода. Надо было отремонтировать крышу над крыльцом дома, а заодно поправить памятник дедушке. Тот умер из-за неизлечимой болезни, когда Сережа учился только во втором классе, но уже тогда, будучи ребёнком, мальчик дал себе слово обязательно в будущем получить профессию врача, чтобы спасти жизни людей, абсолютно ещё не понимая и не представляя насколько это не просто. Зато он точно знал, что врачом может быть только отличник, поэтому к учёбе стал относиться очень серьёзно.

Прошли годы. Обещание, данное в детстве, было исполнено. И сейчас, сидя в автобусе, Сергей незаметно для себя, окунувшись в эти воспоминания и, улыбаясь над собственными детскими стремлениями, смотрел в окно, за которым сменялись картинные пейзажи небольших озёр и берёзовых рощ, обрамлённых ромашковыми лугами с важно вышагивающими по ним аистами. «На Полесье летом их всегда много. Любят наши места эти грациозные птицы», – с гордостью подумал Сергей и тут же вспомнил случай прошлого лета, когда к нему в гости из Минска приезжал близкий друг Паша. Тогда Сергей встречал его с автобуса, и у магазина на столбе они увидели стоящего на одной ноге аиста. Пашка долго рассматривал птицу, а затем восхищённо сказал: «Ну, и умельцы же здесь творят! Как живой получился». Изумлению не было предела, когда аист,

вдруг, взял и сменил ногу... Они тогда долго смеялись и даже вспоминали этот случай зимой в разговоре по телефону. Этим летом в июне Паша заканчивает свою учёбу в Академии и обещал после вручения дипломов приехать на пару недель. Сергей ждал его с нетерпением. За год, прожитый здесь, он уже хорошо изучил окрестности, и ему очень хотелось показать другу наиболее любимы́е места, где можно было неплохо провести время. Одна река Ясельда только чего стоила. После рабочего дня он часто любил приходить на её берег и, сидя у воды, смотреть, как закат золотистой дорожкой переливается в её течении. Иногда они с младшим сыном тётки Нюры, у которой Сергей снимал комнату, катались на лодке. Петька, не глядя на юный возраст ученика пятого класса, был неплохим рыбаком и загорелся желанием научить этому искусству Сергея. Он настолько серьёзно подходил к данному вопросу, что порой даже покрикивал, если тот делал что-то не так. Сергей в свою очередь, подыгрывая ребёнку, беспрекословно слушался его. Он с серьёзным видом старался правильно подобрать наживку, насадить её на крючок и забросить в воду, а потом, получая огромное удовольствие, наблюдал за ярко-красным поплавком, который маленьким корабликом всякий раз стремился уплыть по течению реки вслед за отражающимися в ней облаками...

Сергей оторвал взгляд от окна автобуса и раскрыл ноутбук. Вот уже несколько дней из его головы не выходили строчки. Он с детства по секрету от всех писал стихи и свои пробы пера, конечно, никому не показывал. А вот будучи студентом, как-то ко Дню медицинского работника, написал поздравительный буклет. Стихи, на удивление, всем понравились, и их опубликовали в студенческой газете. С тех пор будущий врач серьёзнее стал относиться к этому увлечению, со временем перестав скрывать своё хобби. Вот и сейчас, открыв ноутбук, он увлечённо набирал слова.

Дописав последнюю строчку, Сергей перечитал стихотворение и, подняв глаза, увидел, что скоро его остановка. Надо было готовиться к выходу, и он посмотрел на сидящего рядом соседа.

– Приехали, Сергей Сергеевич, – сразу отреагировал тот. – Вы так увлеклись, что могли проехать свою остановку, и тогда, чего доброго, мы лишились бы нашего доктора.

– Не волнуйтесь, Павел Адамович. Наши места я никогда не проеду, – приветливо ответил Сергей и стал собираться.

III

Павел Адамович не спеша ехал на велосипеде, всей грудью вдыхая бодрящий воздух раннего летнего утра, которое каждый день встречало его своей свежестью и прохладой. Лёгкий туман стелился от речки над лугом, где сквозь его дымку в высокой траве, покрытой ещё нетронутой солнцем росой, просматривались силуэты мирно пасущихся коней.

Подъехав к лесничеству, он, как всегда, оставил велосипед под окном конторы, а сам напрямую через луг, протоптанной тропинкой, направился к лошадям. Вскоре одна из них подняла голову, прислушалась и приветливо фыркнула. Вслед за ней так же подняли голову две другие. Павел Адамович подошёл к ним, ласково потрепал каждую по холке и расстреножил их. Почувствовав свободу, лошади сразу оживились.

– Ну, что, Ласточка? – обратился он к чёрной лошадке с белыми, похожими на надетые гольфики, ногами. – У меня хорошая новость. Приехала, наконец, наша любимица. Дождались мы её с тобой. Так что пошли готовиться к встрече. Ведь она не выдержит. Непременно сегодня к тебе придёт.

Ласточка, как будто в знак согласия тут же покивала головой.

– Ах, ты моя красавица, умница моя, – Павел Адамович погладил лошадь и, набросив на неё уздечку, повёл в сторону реки. Две другие послушно пошли следом...

Пока лошади пили воду, мужчина занялся установкой двух донок. Он хорошо знал, что именно под этими кустами с утра можно выловить крупного сазана, поэтому иногда, под настроение, любил посидеть тут пару часов с удочкой. Правда от того, что обычно торопился на работу, чаще приходилось ставить донки, но зато к обеду рыба, как правило, находилась на крючках. Сегодня был тот день, когда самому с удочкой посидеть не получалось, а домой хотелось вернуться с уловом. Увлёкшись маскировкой снастей, он не сразу увидел спускающегося к реке врача, а когда оглянулся, то тот уже стоял почти у воды с полотенцем через плечо.

– Доброе утро, Павел Адамович, – улыбнулся он.

– Доброе! Сергей Сергеевич.

– Вот, хочу освежиться перед рабочим днём. А Вы, я вижу, на рыбалку пришли?

Павел Адамович поднялся с колена, поправил ветки кустика и усмехнулся:

– А, что тут рыбалить. Сама наловится, пока я на работе буду. Внучку, наконец, из Минска дождался. Приехала на каникулы. Вот хочу рыбкой побаловать. В городе то в основном, она в магазинах морская и вся перемороженная, а в речной, да в свежей, совсем ведь вкус другой.

– А внучка у Вас взрослая, или ещё маленькая школьница?

– Для меня всегда маленькая. Но вообще-то уже студентка четвёртого курса. В Академии музыки учится. На скрипке играет.

– Вот как!? Ну, теперь Вам веселее будет. А я хотел здесь искупаться, но, наверное, не стоит, раз Вы снасти настроили.

Павел Адамович не спеша подошёл к стоящим у воды лошадям:

– Купайтесь, Сергей Сергеевич. Я донки только что поставил, Вы же все равно сюда пришли ненадолго.

После этих слов, он потянул Ласточку за уздечку, вывел её на берег и направил в сторону лесничества. Две другие лошади так же послушно последовали рядом.

– Ну, тогда хорошего Вам дня.

– И Вам всех больных вылечить.

Сергей посмотрел вслед пожилому человеку: «Какой же все-таки замечательный этот Павел Адамович. Не зря к нему здесь все относятся с большим уважением. А вот, что касается его внучки – это интересно...»

После утренней встречи и беседы на реке Сергей целый день находился в приподнятом настроении. Мысли о внучке не покидали его. Он не мог найти этому объяснение, поскольку не только никогда не видел её, но до сегодняшнего дня даже не предполагал о её существовании. Когда же в конце рабочего дня Сергей поймал себя на том, что уже пытается представить её образ, ему стало не по себе. Посидев немного в своём кабинете и подумав, он пришёл к выводу, что эту внучку надо срочно увидеть, тогда тема закроется сама собой. Вопрос заключался только в том, как это сделать. Сегодня был понедельник, и в местном доме культуры, где обычно собиралась по вечерам молодёжь, работала только библиотека. Он, конечно, может туда сходить, но где гарантия, что девушка тоже туда придёт. И вообще, что ей сейчас в библиотеке делать? Сергей сразу вспомнил отрывок из фильма «Операция «Б!» и, рассмеявшись, произнёс вслух:

– Да-а, так можно и до абсурда пойти. Так, как же достать мне эту скрипачку? Можно, конечно, пройти мимо её дома, – продолжил он размышлять, – но ведь не факт, что она будет во дворе. Да и привлекать к себе внимание людей такими прогулками не к лицу. Оставшись наедине с извечным классическим вопросом «что делать?», Сергей, поразмыслив, решил, что как ни крути, а без Пашки тут не обойтись. Придётся дожидаться его приезда. Вот с ним все прогулки будут оправданы. Сергей быстро достал из кармана смартфон и, отыскав номер друга, сделал вызов. Паша не заставил себя долго ждать.

– Привет, Серёга!

– Привет. Ну, чем занимаешься? Когда уже, наконец, я смогу тебя лицезреть?

– А тебе, что там, уже совсем скучно? Больных всех повылечил, что ли?

– Паша, кончай паясничать. Ну, правда, когда приедешь?

– А аист на столбе по-прежнему стоит на одной ноге?

– Я тебе его сам поставлю. Буквально завтра, если он туда ещё не залетел.

– Да-а? Ну, тогда приеду. И вот ещё что: постарайся, чтобы на дискотеке девчонок побольше было. Они на полесье все такие красавицы!

– С тебя и одной хватит.

– Одной-то хватит, но выбор должен быть.

– Ну, и балабол же ты, Пашка.

– Сам ты балабол. Я в отличие от тебя, позитивный человек и всегда искренне верю в лучшее будущее, что и определяет мою оптимистичную жизненную позицию. Кстати, можешь меня поздравить. Я, наконец, статус юриста получил.

– Так с тебя причитается!

– Это с тебя причитается, что ты в моём лице обрёл бесплатного профессионала Службы государственного управления и права, который, заметь, в любой момент готов сразу прийти к тебе на помощь по первому зову, если будет нужно.

Выслушав такую пылкую тираду друга, Сергей рассмеялся:

– Пашка, я тебя за это всегда буду бесплатно лечить по первому зову. Честное слово! Так, когда тебя, все-таки ждать?

– Я планировал к следующим выходным, но раз ты там уже страдаешь, то завтра соберусь и постараюсь в среду утром выехать. Годится?

– Годится.

– Может, что-нибудь надо привезти из столицы?

– Да, ничего, вроде не горит. Себя привези уже скорее, наконец.

– Договорились. К вечеру в среду буду.

– Ну, тогда до звонка?

– Да. Давай... Пока.

– Пока.

«Вот и чудненько, – отключая телефон, подумал Сергей. – Пашка приедет, вместе что-нибудь замутим».

В предвкушение чего-то очень интересного, Сергей бодро встал из-за стола, снял халат, повесил его на вешалку и, дав необходимые указания дежурному медперсоналу, вышел на улицу. Не глядя на то, что часы показывали семь вечера, летнее солнце светило вовсю. Поскольку больница находилась почти в лесу, воздух в её дворе и округе всегда был пропитан запахами трав и хвои. Сергей на мгновение остановился и глубоко вдохнул. Со студенческих лет ему нравилось это время года, когда в двадцатых числах июня ночи всегда короткие, дни самые длинные, а впереди целое лето, и никакой учебы. Сейчас, находясь уже в новом качестве, он ощущал себя несколько по-другому, но с тех пор прошёл всего лишь год, эмоции студенческих лет были ещё не забыты, и Сергей даже не заметил, как попал в состояние летней эйфории. Домой идти совершенно не хотелось, поэтому, поразмыслив, он решил пройтись через парк. Когда-то это были владения пана Скирмонта. Имение чудом оказалось почти нетронутым войной, хотя в нём в период оккупации располагался немецкий штаб, а во время отступления немцев, через Поречье даже прошёл фронт. Некоторые местные жители до сих пор помнят, как накануне наступления наших войск, взрослые с помощью партизан по ночам рыли землянки, прямо на огородах и, когда фронт проходил через деревню, люди прятались в них. На протяжении всего боя они с замиранием сердца слушали вой пролетающих артиллерийских снарядов. Дети жались к взрослым, а совсем маленькие плакали, когда снаряды взрывались, казалось, прямо над головой. Деревня тогда очень сильно пострадала. Многие дома потом пришлось отстраивать заново, а вот имение, изрешечённое осколками и прилегающий к нему парк, уцелели. Вскоре после войны в эти места приезжала съёмочная группа, и в Поречье, с участием даже некоторых местных жителей, был снят один из первых фильмов «На Ростанях». С тех пор и до наших дней в имении обосновалось лесничество, а в парке сохранились очень редкие теперь уже величественные деревья.

Сергей не спеша шёл по дорожке. Окунувшись в свои мысли, он не сразу увидел изящную всадницу в лучах клонящегося к закату солнца на мчащейся вдоль реки галопом лошади, которая исчезла из вида за деревьями так же быстро, как и возникла. От неожиданности он сразу остановился, а через мгновение, сойдя с тропинки, быстро пошёл из парка напрямик через кусты. Он настолько был заинтригован, что не заметил небольшую канаву и, оступившись, чуть не потерял равновесие. На счастье дождей последнее время не было, канава оказалась сухой и, схватившись за ветку вербы, Сергей выбрался из неё. Выйдя из парка, он огляделся. Лошади с всадницей нигде не было. Сергей отряхнул джинсы, вытер о траву запylённые кроссовки и направился к реке, туда, где промелькнуло это удивительное видение. Не успел он пройти и половину пути, как услышал позади себя приближающийся стук копыт. Сергей повернулся. Вдоль парка, откуда он только что вышел, бежала чёрная лошадка. В её седле сидела тёмноволосая девушка с короткой стильной стрижкой, в джинсовых бриджах и белоснежной лёгкой рубашке, завязанной на поясе узлом. Всадница сидела в седле очень уверенно. Одной рукой она держала поводья, ладонь другой свободно лежала на её ноге. Лошадь послушно шла рысцой, грациозно неся на себе наездницу. Её белые ноги, казалось,

танцевали. «Не хватает только вальса «Сказки Венского леса» Штрауса», – подумал Сергей и, сам того не замечая, улыбнулся, провожая взглядом это чудесное явление.

IV

– Здохнуть. Ой, здохнуть. Я вам говорю – здохнуть!

– Деда Коля, успокойся. Ничего с твоим Ванечкой не сделается. Он сдохнет, если его не испускать.

– Ой, ой. Он же ещё совсем малюсенький.

– Вот именно. Посмотри на него. Его бедного грязнулю совсем блохи заели. Он из-за них уже ни есть, ни спать не может.

– Кота никто никогда не моет. Котов мыть нельзя! Они сами моются.

– Это раньше, в твою молодость не мыли, а сейчас, вот посмотри! Для котов специальный шампунь есть. Дедуля, мы ведь уже в двадцать первом веке живём, – укоризненно произнесла старшая внучка.

– Ой, не знаю, не знаю. Напридумать всего можно, а кот возьмёт и здохнуть!

– Бабушка, ну скажи хоть ты ему.

– А, что я ему скажу? – Бабушка Шура гордо расправила плечи, подчёркивая и без того статную осанку. – Я тоже не видела, чтоб котов мыли, но я верю в науку. Раз такой шампунь изобрели, значит, наверное, можно.

После слов жены дед немного приумолк, но, когда котёнка опустили в воду и тот, не желая купаться, уцепился коготками за край таза, пытаясь вылезть, дед полуприсел, положил левую руку на грудь в области сердца и опять запричитал:

– Здохнуть! Ну, здохнуть же!..

Когда же, наконец, маленькую, протестующую, возмущенно-пищащую грязнулю намочили, облили шампунем и стали мыть, дед Коля всплеснул ладонями, обобёрся руками о полусогнутые колени и обречённо, будто вся эта экзекуция проходила над ним самим, стал покачивать головой из стороны в сторону, приговаривая: «Ай-яй-яй, ай-яй-яй...». Успокоился он немного только тогда, когда котёнка достали из таза, ополоснули тёплой чистой водой и закутали в большое банное полотенце.

Спустя полчаса дед Коля сидел во дворе на лавочке и нервно курил, а Иван чистый и накормленный забылся крепким, безмятежным сном. Котёнок спал целый день. Внуки вместе с бабушкой втихаря посмеивались над дедом, когда тот, стараясь, чтобы никто не заметил, на цыпочках подходил к котёнку и, бормоча про себя: «Хоть бы не издох, хоть бы не издох», прикладывая к нему ухо, прислушиваясь, дышит ли.

Проснулся Ванюша лишь вечером и тут же, громко заявляя о себе, направился к своей мисочке. Когда же дед Коля вышел на веранду, Ваня взахлёб лакал парное молоко с вечерней дойки.

– Ну, видишь, как твой Иван уплетает, – с усмешкой произнесла баба Шура. – Appetit лучше, чем у тебя, а ты всё причитал: «Здохнуть, да здохнуть».

– Ничего ... яй ... не говорил, – сконфуженно хихикнул дед Коля, надел свою любимую пилотку, прихватил мешочек с табаком-самосадам и вышел на улицу, где уже громко огрызнулся: «Ну, и хорошо, что аппетит здоровый!»

Налакавшись вдоволь, котёнок потянулся, зевнул и тоже отправился во двор. Деда он нашёл сидящим на скамейке за калиткой и тут же, ухватившись коготками за его штанину, стал по ней карабкаться вверх.

– Ах ты, проказник! Решил меня всего исцарапать, да? – проворчал тот и, отцепив котёнка от штанины, посадил рядом с собой. Ванюша внимательно изучил скамейку, обнюхав её, затем доверчиво перебрался к старику на колено, устроился на нём поудобнее и заурчал.

Вечер был тёплым и тихим. Луна, как всегда удивлённо смотрела на землю. На тёмном бархате неба звёзды казались рассыпанным жемчугом. Только лёгкий ветерок шелестел листвой осины, да слышно было, как в реке плещется рыба. Прислонившись спиной к забору, дед Коля тихо сидел на скамейке, поглаживая котёнка и, погружившись в свои мысли, глядел в сторону реки. Вскоре издалека стали доноситься нежные звуки скрипки. Удивительная по своей чистоте, величественная

мелодия плавно разливалась над лугом и, завораживая своей красотой, улетала в бесконечность. Дед Коля ласково посмотрел на котёнка:

– Ну, что урчишь? Тебе тоже нравится, как Светланка играть? Вот видишь, Ванюшка, что значить иметь усердие и учиться. Все-таки, Вань, что не говори, а наука – это великая сила!

Дед Коля глубоко вздохнул, прикрыл глаза и стал слушать...

– Добрый вечер, Николай, Николаевич. Да у вас тут компания оказывается.

Дед Коля открыл глаза:

– Здравствуйте, Сергей Сергеевич. А мы тут с Ванюшей скрипку слушаем. Прямо почти в театре сидим. Такая талантливая эта Светланка. Так играть! Так играть! А Вы на прогулку вышли, али как?

– Я с работы, Николай Николаевич.

– Что-то поздновато Вы сегодня. Больные, небось, совсем замучили.

– Ничего страшного. Всё нормально. Просто сегодня так получилось.

– Присаживайтесь, Сергей Сергеевич. Передохните чуток. – Дед Коля пододвинулся на край скамейки. – Такой вечер нынче хороший. Я тут даже почти приснул.

– Спасибо. С удовольствием. – Сергей присел на лавочку. – С Вашей скамейки такой замечательный вид открывается и на луг, и на речку.

– Да. Это точно. Отсюда, даже иногда видать, как звёзды в ней отражаются. Я когда-то специально именно здесь дом решил построить. И построил!

– Николай Николаевич, я Вас всё спросить хочу. Почему Вы всегда пилотку носите, когда все здесь носят кепку? В чём секрет?

Дед Коля внимательно посмотрел на молодого человека и усмехнулся:

– Да, какой тут особенный секрет. Мне кажется, я в ней лучше мир слышу. Можить, это от того, что я её долго носил в молодости.

Сергей посмотрел на старенькую, выцветшую от времени пилотку и невольно прислушался сам. Ему вдруг показалось, что, доносившаяся издали, мелодия Ave Marii зазвучала более возвышенно и ярко, а не покидающий его, вот уже который день, образ мчащейся на лошади тёмноволосой всадницы с короткой стильной стрижкой и в обдуваемой ветром белоснежной рубашке окунул в состояние волнения и тревоги.

– Николай Николаевич, а я вчера видел Вашу чудо-Светлану на лошади в парке.

– Да. Светланка, она с детства такая: то на скрипке играет, то на лошадке верхом летает, а летом на каникулах в клубе, бывает, целые концерты устраивает, когда на пианино играет и поёт.

– Павел Адамович, наверное, очень ею гордится.

– Да, что там говорить. Он души в ней не чаить. Светланка – дедава внучка.

– Ну что, Николай Николаевич, спасибо Вам за такую замечательную компанию. – Сергей с улыбкой потрепал по голове котёнка и поднялся со скамейки. – Пойду отдыхать. Завтра у меня, как в песне «...будет хлопотливый день...». С утра на работу, а к вечеру приезжает близкий друг из Минска. Надо подготовить встречу.

– Конечно, идите, отдохайте, Сергей Сергеевич. Всего вам доброго. Мы с Ванюшкой тоже сейчас отправимся на боковую. Да и комары уже начинают одолевать.

Разговор с Николаем Николаевичем оставил Сергея в очень приятном состоянии. Молодой человек шёл по улице и, вслушиваясь в тишину, думал о Светлане. Она больше не играла, но воздух, казалось, был по-прежнему насыщен нежными звуками скрипки, и Ave Maria продолжала парить, наполняя мир добром, светом, благородством. На душе становилось удивительно хорошо и хотелось, чтобы эта музыка не заканчивалась... Придя домой, Сергей на кухне из кувшина попил молока, зашёл в свою комнату, открыл ноутбук и написал:

Я помню удивлённый взгляд, //Кокетливость твоей улыбки...

Светлана сидела на небольшом брёвнышке и смотрела на огонь костра. Языки пламени, потрескивая ветками, то плясали, играя между собой, то взлетали вверх, выбрасывая фейерверк искр, подхватываемых и раздуваемых ветром.

– Вот и лето прошло, – вдруг произнесла она с грустью в голосе, чем сразу вызвала общий смех.

– Светка, ну, ты даёшь! Впереди ещё целый август, а она уже с летом распрощалась. Мы не ожидали от тебя такой сентиментальности.

– Ты ничего не понимаешь, Катюша. – Света оторвала взгляд от костра и посмотрела на сидящих вокруг друзей. – Лето впереди, когда ещё не началось, а с первого июня оно сразу идёт на убыль. Оставшийся август, не успеет заметить, как пролетит. Вот – Пашка. Давно ли приехал? Завтра уже уезжает.

– Ну, у меня всего лишь отпуск закончился. А я тебе звонить каждый день буду. Хочешь?

– Хочу, Пашенька.

– Договорились.

– Я тебе позвоню! Ишь ты! Звонить он, понимаешь, будет! – Сергей погрозил кулаком в сторону сидящего друга и подбросил в костёр хворост.

– А чего ты волнуешься? – В глазах Паши сверкнули озорные искорки. – Ты же тут остаёшься.

– Это неважно. Никаких мне звонков. А то знаю я тебя.

Все снова дружно рассмеялись.

– Да, Пашка, нет к тебе доверия, – Коля с нежностью посмотрел на Катю. – Вот мы с Катюхой доверяем друг другу полностью. Правда, зайка?

– Правда, правда, – откликнулась Катя. – Ревнивцы знаменитые. Посмотрите лучше, как там шашлыки, а то подгорят чего доброго.

– Да не должны. – Сергей взял небольшую палку, заранее заготовленную для разбивания углей, и подошёл к мангалу. – Сейчас тихо. Сильного ветра нет, так что угли нормальные. А завтра вообще погода обещает быть чудной. Вы видели, какой сегодня красивый закат был.

– Ой, ребята, как же хорошо. – Катя глубоко вздохнула. – Какие мы всё-таки счастливые, что родились в этих местах. Ну, посмотрите, какая красота кругом. Тут же куда не глянь – песня.

Паша взял в руки гитару, стоявшую под деревом, и стал перебирать на ней струны:

– Вот не родись Света именно здесь и, глядишь, не играла бы так хорошо на скрипке.

– Ты совершенно прав, Паша. Скрипачей много есть, но они просто хорошей техникой игры владеют, а наш Светик, – Катя приобняла подругу за плечо, – душа этого края.

– Ну, это ты уже, конечно, преувеличиваешь, Катюша. Просто вы меня все любите и не можете быть объективными. Хотя, не скрою, мне это слышать приятно. – Последние слова Света произнесла, смеясь. – Но если серьёзно, то я ведь действительно с песней росла. Сколько себя помню, в нашем доме довольно часто звучала песня. Мои бабушка с дедушкой были очень гостеприимными, и у нас на праздники всегда собирались родственники, да и соседи заходили. Вы не представляете, как все пели! А песни какие были замечательные: мелодичные, глубокие. Но лучше всех, конечно, пела тётя Зоня. Объяснить, какой у неё был тембр голоса – это не реально. Просто сердце замирало – и всё. Особенно в памяти остались зимние рождественские вечера, когда я, будучи маленькой, забиралась под высокую и очень пушистую ёлку, которую дедушка на лошади привозил из леса. Он рассказывал, что ему всегда помогали выбирать её все лесные зверушки. Было столько радости! Так вот: залезла я под эту красавицу, укладывалась на ковёр, рядом с находившимися там подарками и, уничтожая конфеты, слушала, как мелодии исполняемых песен раскладывались на несколько голосов. А после коляд десятого января ко мне на день рождения приходили подружки, и я разучивала с ними эти песни. Так что я здесь не просто росла, а очень даже формировалась, как личность.

– Между прочим, – перехватил эстафету Сергей, – Михаил Иванович Глинка стал основоположником русской оперы тоже благодаря тому, что с детства рос в деревне и воспитывался народной песней, которую и заложил в основу своего творчества. Так что, Светлана, тебе очень повезло – с детства соприкоснуться с бриллиантом нашего Полесья.

– Да нам всем, Серёжа, очень повезло. Вы же видели, какие картины наш Коля рисует. А Катюха! – Уже почти дипломированная актриса. Ещё академию не закончила, а в фильмах уже снимается. Ты вот на достойного врача претендуешь, но при этом стихи пишешь. И нас всех объединяет то, что мы очень любим наш край. Может, всё сказанное и звучит несколько пафосно, но, согласитесь, – это ведь действительно так. Я вот, например, даже представить себя не могу вне своей Земли.

– Света абсолютно права. – Паша оторвал взгляд от струн гитары, на которой всё это время, что-то наигрывал. – Песенно-полесская, да и вообще наша народная культура – это же изюминка

всей профессиональной музыки. Ну, что может наполнить человека богатым внутренним миром и сделать его действительно личностью, как не составляющее высокую культуру: искусство, хорошая литература, поэзия, музыка. Без этого можно и страну потерять.

Сергей посмотрел на Свету. Она сидела, положив локти на полусогнутые колени и, свесив крест-накрест кисти рук, серьёзно смотрела перед собой. Вдруг она поймала его взгляд и улыбнулась:

– Серёж, а почему бы тебе не написать стихотворение о Поречье.

– А оно насколько я вчера понял, уже есть. Сергей мне его вечером читал. «Отчий уголок» называется, если я не ошибаюсь. Да?

– Нет. Ну, нормально. Как Пашке, так он читает! А нам? Так! Всё! Шашлык не получишь.

Коля, как старательный школьник закусил язык и перевернул шампуры на импровизированном мангале, откуда уже давно долетал соблазняющий запах. Сергей глянул в сторону Коли и снисходительно ухмыльнулся:

– Вот так. Все слышали? Наш Николай имениннику поесть не даст. Тоже мне, Кастусь Калиновский выискался. Пашка у меня, между прочим, вот уже месяц живёт. Ему и первое прочтение слушать.

– Кстати,– прервал их перепалку Паша, – пока вы тут размышляли о великом и вечном, я на эти стихи мелодию попробовал набросать. Может песня получится.

– Как интересно! – тут же отреагировала Катя. – А, ну-ка, спой!

– Нет, Катенька, петь ещё рано. Да и слова я хорошо не знаю. Пусть лучше сначала Сергей почитает, а я под его прочтение попробую поиграть. Сергей, давай...

Сергей глянул на Свету. Та смотрела на него, не отрывая взгляда очень проникновенно. Её губы были тронуты лёгкой нежной улыбкой, а отражающиеся в её глазах пляшущие огоньки костра, делали их сверкающими, счастливыми и бесконечно красивыми. В эти глаза хотелось смотреть. Но, чтобы не нарушить состояние девушки и не испортить это очарование, Сергей быстро перевел взгляд на костёр и стал читать:

...Искрятся серебром твои озёра,
И неба синева так высока.
Как вязь национального узора,
Среди полей проносится река.

После того, как чтение стихотворения под музыку к нему было завершено, на какое-то время воцарилась тишина. Осмысливая только что услышанное, все молча смотрели на костёр, где огонь, по-прежнему играя на ветру, весело потрескивал сучьями сухих веток.

Первым заговорил Коля:

– А по-моему, очень хорошо получилось. И мелодия у Пашки такая лирическая, приятная.

– Да. Очень неплохо получилось, – Света посмотрела на Пашу. – Надо эту мелодию на ноты записать.

– Ну, я ещё над ней подумаю немного, чтобы на слова хорошо легла, и тогда не вопрос, ты мне и поможешь.

– Так это в Минске можно сделать. Ты главное обдумай её хорошенько и отшлифуй. Может еще Сергей, тоже над текстом поработает, хотя? Что тут менять? «... Как вязь национального узора, среди полей проносится река...»,- процитировала задумчиво Света. – Серёжка, я тебя обожаю. Ну, надо же, такие слова найти. Послушайте, а что если песню назвать «Национальный узор», а? Серёж, как тебе?

– По-моему хорошо. Я бы даже сказал, довольно оригинально. Точно. Пусть песня называется «Национальный узор».

– Вот, ребята, что значит настоящая сила искусства, а вместе с ним и литературы,– восторженно произнесла Катя. – Как очень точно сказал известный поэт:

... Творцу і палац не трэба,
А дзяржаўны асярод.
Дастаткова будзе неба,
Каб уславіць свой народ!

Ненакладно для государства и одновременно – бесценно!

Сергей сидел на берегу Ясельды и листал музыкальный сборник, полученный сегодня по почте от Светы. В нём на первой странице была напечатана песня «Национальный узор» на его стихи «Отчий уголок». Кажется, совсем недавно был конец июля и его день рождения, когда они все сидели у костра, шутили, читали стихи, пели. Тогда родилась мелодия этой песни. А сейчас листья плыли по реке, унося превратности этого замечательного лета. Все разъехались, но Сергей не чувствовал себя покинутым. В следующем году он тоже уедет в Минск: поступать в ординатуру. Он уже послал своему научному руководителю несколько работ и получил хороший отзыв. Да и друзья его в Минске ждут. А пока наступила осень. Листья плыли по реке, аист, облюбовавший столб, больше на нём не стоял на одной ноге, а улетел в далёкие теплые края, и только подросший утёнок с темным пятнышком на боку по-прежнему бегал по берегу, волнуясь за своих плавающих собратьев.

– Ну, что ты переживаешь? – не выдержал Сергей. – Видишь, за лето с ними ничего не случилось. Как плавали, так и плавают благополучно. Сядь вот рядышком со мной и посидим спокойно, если не хочешь купаться. Видишь, мы с тобой остались только вдвоём, без Светы. Должны поддерживать друг друга.

Утёнок, как будто понимая всю серьёзность сказанного, тут же прекратил бегать, подошёл к Сергею, присел рядом и, отщипнув несколько травинок, заглянул в сборник.

– Вот и молодец, – рассмеялся Сергей, – ты настоящий друг. Только страницы щипать не вздумай. Видишь, тут песня про Поречье написана.

Сергей посмотрел в сборник, прочитал название «Национальный узор» и от охватившего его приятного чувства глубоко вдохнул свежий речной воздух, полный осенних ароматов.